

Н.Ю. ЗАМЯТИНА

Зона освоения (фронтир) и ее образ в американской и русской культурах

Системы ценностей в разных странах неодинаковы. То, что поощряется в одной стране, порицается в другой, и наоборот. Почему, например, у нас почти нет "вестернов" по мотивам собственной истории (их можно было бы назвать "истернами")? Как американцы, так и русские еще сравнительно недавно боролись за освоение новых территорий. Бросок через тысячи километров угрюмой сибирской тайги был не менее тяжелым, чем "героический" переход через Аппалачи. Буйный "ковбойский" нрав Дикого Запада не был чужд и нашим окраинам. Почему же мы, в отличие от американцев, не восхищаемся героями нашего Дикого Востока? Почему оказались столь различными роли, отведенные процессу колонизации в русской и американской культурах? Ответ на эти вопросы можно получить, обратившись к истокам формирования национальных традиций.

Реальность и мифы колонизации

Как известно, реальность не всегда совпадает с тем, что о ней думают. Реальность существует по объективным законам, а ее образ чаще всего является порождением других образов (убеждений, заблуждений, традиций, утопий) того общества, где он родился. Образ реальности - общественный миф.

Изучение этого мифа необходимо для познания конкретного общества (порождения той или иной страны, территории, эпохи). Дело в том, что описать социум "сам по себе" очень трудно. Еще труднее оценить честность и непредвзятость такой работы. Сравнение мифов, бытующих в разных культурах по поводу конкретных вещей и явлений, позволяет охарактеризовать общество на основе определенного набора признаков. Такая параметризация делает описание более объективным.

Параметров для характеристики общества можно привести множество. Различные исследователи, сравнивая культуры разных стран и эпох, выясняют их отношение к женщине, богатству, справедливости, славе, собственности...

Процесс заселения новой территории - одна из таких "лакмусовых бумажек", расцветивающихся особенно красочно при погружении в атмосферу русского и американского обществ.

Осваиваемая окраина - вполне типичное явление. В случае расширения территорий стран на их периферии формировался легко узнаваемый регион порубежья. Его связи с другими регионами, состав населения, особый местный дух - все это повторялось из раза в раз. Порубежья типологически похожи друг на друга (так же как многомиллионные мировые столицы - шумные и многоязычные, или провинциальные городки - тихие и консервативные). Они напоминают зоны, которые образно называют "воротами страны" (обычно это портовый город с его характерной "одесской" атмосферой), или пограничные регионы (уже чуть-чуть "не свои", где часты контакты с "зарубежом", другой говор и т.д.).

З а м я т и н а Надежда Юрьевна - аспирантка географического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Типологическая схожесть, однако, не обеспечивает сходным элементам территориальной структуры (центр, периферия, порубежье и т.д.) одинакового места в иерархии общественных ценностей разных стран (их по-разному воспринимают). Небольшие деревеньки различных стран типологически похожи, но в одной стране эти деревеньки будут лелеять как национальную особенность, в других - "укрупнять"...

Так же обстоит дело и с освоением территории. В США порубежье воспринимается как место свершения подвигов национальных героев, а зачастую и как олицетворение Америки. Оно связано с романтизированной экзотикой индейских атак и погонь по бескрайним прериям. Это прославленная куперовскими романами зона обитания отважных бледнолицых охотников и хитрых индейцев. Суровый край, где "хороший индеец - мертвый индеец". Дикий Запад, где буйствовали в салунах герои вестернов. И именно силуэт ковбоя в характерной шляпе и ковбойская атрибутика во всем мире служат рекламе американских товаров.

В трудах американских историков такая зона (ее принято назвать фронтиром - от английского "*frontier*", буквально означающего "рубеж, граница") почтительно представляется "воспитателем" нации.

В отечественной культуре героической стороне освоения Сибири, в сравнении с культурой американского Запада, уделено значительно более скромное место. Напротив, зачастую на первый план выходит мрачный образ Сибири-каторги. Вместо гордости за движение вперед - недоумение:

"А птицы все - на Юг,
И люди все - на Юг,
И только мы лишь - на Восток".

А. Городницкий

В научных кругах все чаще слышны голоса, осуждающие расширение территории России: дескать, расплывются силы, отвлекается внимание от слаборазвитого центра страны.

На самом деле, российское порубежье вполне походило на американский Запад. Различия в отношении к ним свидетельствуют о различии в общественных устоях США и России.

Фронтир: где это?

В строгом смысле фронтир - это зона освоения; точнее, территория, социальные и экономические условия которой определяются идущим на ней процессом освоения. Американский историк Ф. Тернер, введший в науку само понятие фронта, называл его "точкой встречи дикости и цивилизации" (цит. по [1, p. 18]).

В США подобную зону освоения часто воспринимают как линию, поскольку освоение территории не слишком задерживалось. Вслед за первопроходцами быстро приходила цивилизация. Фронтир определяли, например, как границу между проданной и "ничейной" землями, границу резерваций, наконец, границу между самыми западными штатами и самыми восточными "территориями" (territory - это название административной единицы с особым статусом; чтобы получить статус штата, та или иная "территория" должна была иметь определенную численность населения). Термин "фронтир" официально применялся также для обозначения линии, ограничивающей территорию с плотностью населения менее двух человек на одну квадратную милю.

Исходя из этой традиции, многие ищут линейный фронтир в России и, говоря о российском фронтире, в лучшем случае ограничиваются рассмотрением продвижения на юг засечных черт в Черноземье и Западной Сибири. В худшем случае само существование в России фронта как передней границы колонизации нередко ставится под сомнение. Ведь Россия всего за полвека распространила свое влияние на обширные земли за Уралом. В 1581 году¹ Ермак отправился в Сибирь, а уже в

¹ По некоторым данным, в 1582 году [2].

1639 году отважные казаки вышли к Тихому океану. За их плечами остались дикая тайга и тундра, цивилизовать которые не удавалось веками. Это ставит многих "искателей фронта" в тупик и заставляет рассуждать об отсутствии фронта как отличительной черте восточной составляющей русской колонизации.

Однако выход к океану еще ничего не означал: для сравнения напомним, что отнюдь не достижение Тихого океана американской экспедицией М. Льюиса и У. Кларка в 1805 году ознаменовало собой окончание заселения этой страны.

Фронт - зона особых социальных условий, а не граница территории, находящейся под юрисдикцией государства, и уж тем более не граница территории, разведанной его жителями (несмотря на этимологию происхождения самого термина и квазилинейность этой зоны в США). Такие зоны в России легко выделяются: современный Центральный район (Залеская Русь) осваивался русскими в XI-XIV веках, так называемый Русский Север - в XV-XVII веках, современный Черноземный Центр - в XVI-XVII веках, Дон и Северный Кавказ - в XVII - начале XIX века, Урал и Сибирь - в XVII-XVIII веках, Дальний Восток - во второй половине XIX - начале XX века (по периодизации Д. Замятина) [3]. Каждую из этих "порций", пусть и чрезвычайно обширную, в соответствующее время можно было считать зоной фронта, или, по-русски, порубежья.

Люди фронта

На краю обжитой территории в России и США оказывались люди сходной заправки: волей чрезвычайных обстоятельств, из-за неумеренных амбиций или просто непоседливого характера "вытолкнутые" из традиционного общества своей страны. Это отчаявшиеся бедняки, вроде хронически страдавших от неурожая ирландцев и обитателей лондонского "дна". Русские малоземельные крестьяне, решившиеся на поиски заветного вольного Беловодья. Западноевропейские религиозные сектанты и русские раскольники. Разношерстные ссыльные². Лишенная наследства часть английского дворянства и гордое казачество. Предприимчивые дельцы и просто авантюристы. Степенных благопристойных граждан туманные окраины не манили ни в Америке, ни в России.

Не удивительно, что схожей оказалась и атмосфера, царившая в разные века на осваиваемых окраинах России и США. Это сходство не раз отмечали оказавшиеся в Сибири наблюдатели, знакомые с американской культурой: "Я не иначе смотрю на Сибирь, как на Американские Штаты" (И. Пущин) [5, с. 215]; "Жизнь тут кипит такая, о какой Европа и понятия не имеет. Она... напоминает мне рассказы из американской жизни" (А. Чехов) [6, с. 234]. Эти регионы можно обозначить как Дикий Запад с его обитателями, но любому поводу хватающимися за "кольт", и Дикое Поле, куда выходили "погулять" русские богатыри. Позднее это казачья вольница, наконец, советский Север, полный темных личностей, скитающихся в целях "заколачивания" денег, - короче, территория, где живут "крутые" ребята.

Можно назвать с десяток конкретных отличительных черт "духа" дальней государственной окраины. Приведу их вместе с наиболее яркими характеристиками, данными современниками или более поздними исследователями.

Разумеется, можно найти немало примеров, характеризующих конкретного обитателя или даже группу, общину обитателей фронта совершенно иным образом, нежели они представлены на данном "портрете". Нижеследующее описание составлено

² Особо отмечу ложность широко распространенного представления о том, что в Сибирь ехали преимущественно по принуждению, а в Америку - добровольно. На территорию США первоначально направлялось и немало осужденных: ссылались английские бродяги, женщины легкого поведения, не говоря уж о рабах из Африки. С другой стороны, был весьма значительным приток добровольных переселенцев в Сибирь. Так, например, из 30 тыс. крестьян, переселившихся в Сибирь между 1662-м и 1709 годом, 28 тыс. пришли по своей воле; в 1895 году самовольные переселенцы составили 78% всего потока переселенцев [4].

из наиболее характерных, часто упоминаемых черт порубежья, является его "собирательным образом".

(Слева - американцы пишут о США, справа - русские о России.)

Пожалуй, самая яркая особенность порубежья, отличающая его от остальной территории страны, - *свобода*. Свобода от устоев и традиций (общество состоит в большинстве из приезжих, еще не устоялось - нет и устоев), от классовых или сословных условностей, а при желании - и от своего прошлого. Свобода от каких бы то ни было государственных, общественных, правоохранительных органов³. Свобода для всех: жителям порубежья приходилось уважать свободу друг друга, поэтому в порубежье царила стихийная демократия. Свобода позволяла легко воспринимать новое (как в общественных отношениях, так и в быту), ибо с переездом в порубежье был поломан и традиционный образ жизни.

"Их верность демократическим институтам, вера в равенство, ...стремление к эксперименту и предпочтение нового старому отличает народ Соединенных Штатов как единственный в своем роде" [7, p. 235].

"Следует отметить способность сибиряка к быстрому восприятию новых культурных черт; всякая новизна, раз она пришлась по сердцу, жадно воспринимается и проходит в массу. Этому много способствует отсутствие в характере сибиряка той забитости, которая неблагоприятно отражается на крестьянах многих частей Европейской России... Свобода в пользовании различными благами укоренила в нем известное миросозерцание о присущем ему неотъемлемом праве на жизнь и распоряжение известными благами - склонность к простору, воле и равенству" [8, с. 228, 229].

Уникальное свойство - обладание жителями порубежья: в собственных глазах свобода делала их привилегированным классом.

свободой - ощущалось и ценилось многими глазами свобода делала их привилегированным

"Наиболее заметная отличительная черта жизни в новых Штатах в Америке - общая уверенность их жителей в собственной исключительности и их самоуважение по этому поводу" (цит. по [6, с. 15]).

«Стоит только взглянуть на сытую, коренастую фигуру сибиряка и на его самоуверенный вид, чтобы убедиться, что он не был ни под каким гнетом, не испытывал нужды и чувствует себя равноправным с остальным "привилегированным" сибирским населением» [8, с. 229].

При случае, в порубежье не боялись подняться за свою свободу *с оружием в руках*.

"Вера в прогресс - важнейшее свойство, которое англо-американские фронтирмены время от времени демонстрировали своим мятежным духом, дававшим себя знать, как только их самостоятельность (freedom of self-advancement) оказывалась под угрозой. Восстания стали возникать уже в начале XVII века, когда первые переселенцы из Англии осознали, что Новый Свет требует новых порядков" (7, p. 222).

"Главные народные войны заигаются не в самых задавленных, угнетенных краях, таких, скажем, как Черноземный центр, Среднее Поволжье, нет, они возникают в зонах относительно свободных, и уж потом с казачьих мест пожар переносится в мужицкие, закрепощенные губернии. Оказывается, для того чтобы восстать, чтобы начать, уже нужна известная свобода, которой не хватает помещицкому рабу..." [9, с. 188].

³ Правда, в порубежье было немало и чиновников, и солдат, и других государевых людей. Но на обширных редкозаселенных пространствах порубежья от них было легче скрыться, чем в городах и поселках остальной территории: ищи ветра в поле. В крайнем случае, можно было откупиться, что сплошь и рядом и делалось: широко известна продажность как старой сибирской администрации, так и западных шерифов.

Привычка к свободе, самоуважение сочетаются в жителях порубежья с сильнейшим индивидуализмом.

"...Мы не утверждаем, что это (жизнь в условиях фронта. - Н.З.) воспитало самодостаточность - куда там; но это воспитало индивидуализм... Они нашли, что могут своим умом решить любую возникающую проблему" (цит. по [6, с. 14]).

"Борьба с суровой природой отразилась... не одним одичанием и огрублением, а воспитала отвагу ...привычку действовать в одиночку и самоуверенность" [8, с. 229].

Развитие этого качества на первый взгляд кажется странным. Суровые условия существования в диком краю требуют, наоборот, объединения усилий - например, при совершении дальних переходов, при борьбе с неприятелем, при раскорчевке леса и т.д. Исторические документы свидетельствуют, что и в американском, и в российском порубежье редко кто действовал в одиночку. "Фронтирмены" проявляли завидное умение при необходимости объединяться во временные коллективы (ассоциации, клубы, отряды, ватаги, банды), оставаясь при этом, что называется, "себе на уме".

В подобной индивидуалистической среде мала роль каких бы то ни было общественных норм. Во многих случаях слабела и роль религии. Даже если на фронтире оказывались религиозные фанатики, их обряды и институты менялись в сторону упрощения.

«Набожности прихожан хватало, чтобы пройти до церкви пять или шесть миль; на преодоление больших расстояний - в 10 или 15 миль - требовалась более пылкая вера. ...Обширность пространства совершила в Виргинии то, на что в Англии потребовались десятилетия теологических споров. ...Виргинцы неосознанно "очищали" англиканскую церковь от присущих ей иерархичности и чрезмерного внимания к обрядам... но пространство не только "очищало" религию, оно во многом охлаждало ее пыл» [10, т. I, с. 166, 167].

"Легкости и грубости нравов много содействовала утрата сибиряком религиозности - этой коренной черты русского народа. Живя раскиданными на огромном расстоянии деревнями в 50-80 и даже 100 верстах от церкви, сибирский крестьянин поневоле бывал в ней очень редко, часто раз в жизни, когда приходилось венчаться. Лишившись в храме могучего возбудителя религиозной настроенности, сибиряк постепенно отвыкал от него и отвык наконец от церкви до такой степени, что потерял желание идти в нее, когда она находилась уже не так далеко от его жилья" [8, с. 226].

Естественно, снижались и требования морали. Порубежья обеих стран прославились *распущенностью нравов* и, как сказали бы современные социологи, "тяжелой криминогенной обстановкой".

"Нехватка женщин приводила к понижению уровня половой морали и, безусловно, способствовала огрублению нравов..." [10, т. 2, с. 122].

"Некоторые рассматривали головорезов как просто участников распространенных в древности судебных поединков, но на современный американский лад" [10, т. 3, с. 491].

"Убийца, вор и обольститель внесли пренебрежение ко всякой нравственности, и самые ужасные по жестокости преступления в глухих местах Сибири не производят сильного впечатления..."

При ведении хозяйства в обширных размерах сибиряки дорожили каждым членом семьи и предпочитали лучше мириться с не совсем безукоризненным поведением взрослых дочерей, чем отпустить их из своего дома замуж" [8, с. 226].

У жителей порубежья преобладал чисто "материалистический" взгляд на вещи. Развилось *неуважительно-ироничное* отношение к окружающему, "пересмеивание".

"Мы - совершеннейшие материалисты, увлеченные погоней за Всемогущим Долларом, слепые к культурным ценностям" [7, р. 1].

"Американский юмор и американские народные герои родились вместе. Первыми народными героями стали комические герои... Комическое и героическое смешалось и соединилось между собой в новаторских американских пропорциях" [10, т. 2, с. 420].

"Ум ... сибиряка гораздо менее развит и гибок, чем у какого-нибудь нижегородца или ярославца, зато он гораздо более преобладает над чувством... Холодно-рассудочная, практическая расчетливость сибиряков и преобладающая склонность к материалистическому взгляду на вещи проявляется и в языке... Как придаток к сухорассудочному настроению у сибиряка является склонность к пересмеиванию... Сибиряки забыли не только вынесенную из России, но и собственную историю; войны, государственная жизнь не возбуждали здесь патриотизма... Заметна и утрата поэтической мечтательности вообще" [8, с. 227].

Целью жизни для многих обитателей порубежья было *обогащение*.

"Тяга к богатству - одна из постоянных сил человеческого общества, и если она проявляется здесь с большей силой, чем в Европе, то это... потому, что ее проявление встречает здесь меньше препятствий" (цит. по [6, с. 14]).

"К сожалению, главным стимулом предприимчивости торгового и промышленного населения была жадность к легкой наживе. Развитие своекорыстных интересов и узко эгоистических мотивов составляет одну из главных темных сторон в характере жителей Сибири" [8, с. 228].

Фронтир и страна

Жаждающие легкой наживы не случайно попадали на фронтир. С одной стороны, эту легкость обеспечивало отсутствие должного государственного и какого-либо иного контроля. Даже состоявшие на государственной службе сплошь и рядом "богатели многим богатством, а государю приносили от того многого своего богатства мало", иначе говоря, бесстыдно обворовывали казну⁴. Обман, грабеж, в более цивилизованном варианте - финансовая авантюра, взятка - неотъемлемые спутники фронта.

С другой стороны, огромные территории оставались зачастую незаселенными до открытия их богатейших ресурсов. Не просто облегченные условия для махинаций и разбоя, но и реальные природные богатства были нужны территории, чтобы стать кипучим порубежьем. Богатство территории фронта тем или иным ресурсом, как правило, определяло его роль в экономике страны. Это *внутренняя колония*: поставщик ресурсов и потребитель продукции промышленности более развитых территорий.

"Европейская Россия представляла компактную симметрично организованную сферу, в состав которой Сибирь не включалась, - отмечал Г. Потанин. - Сибирь входила в общение с этой округленной сферой только по одному направлению - с востока на запад (и обратно, с запада на восток). Самый обмен товаров у Сибири с Россией не отличался тем равноправием, которое... замечалось в обмене между областями внутри Европейской России; из России на восток везлись фабрикаты, на запад из Сибири только сырье. В составе обмена уже укрывалась мысль о противоположности, о контрасте" [12, с. 88].

Считается, что богатые сырьем окраины стимулировали развитие экономики "вширь", т.е. экстенсивным путем (до сих пор отличающим хозяйство обеих стран - США и России - от европейского).

⁴ Это касается сибирских сборщиков ясака [11, с. 33].

Американские окраины поставляли сначала табак (в XVII веке служивший одной из основ экономики страны), потом хлопок, зерно, золото и серебро, наконец, во второй половине XIX века, мясо.

Важнейшим ресурсом российской окраины первоначально были меха - валюта прошлых веков. В середине XVII века, по разным оценкам, от 1/13 до 1/3 государственных доходов составлял доход от сбора сибирской пушнины. К началу XIX века из-за изменения конъюнктуры мирового рынка, моды, а также уменьшения численности пушных зверей в результате охоты заготовка мехов потеряла свое былое экономическое значение.

В это время Сибирь стала поставщиком различных руд, в том числе серебра (добывающегося с начала XVIII века главным образом на Алтае) и золота. В наши дни, как и в годы застоя, экономику страны продолжают кормить сибирские нефте- и газодоллары, выручаемые за продажу "черного" (нефть) и "голубого" (природный газ) "золота" Сибири.

Сущность фронта

Можно было бы дать определение фронта как территории, исключительно богатой каким-либо ресурсом и потому полной всяким "алчущим добычи сбродом". Эдакая "речка Вача" В. Высоцкого: "Я на Вачу еду плача, возвращаюсь - хохоча". Именно так иногда и делается (например, Р. Биллингтон определяет фронт как "географический регион... где низкая плотность населения и обычно богатые и слабо разработанные природные ресурсы обеспечивают исключительную возможность для улучшения социального и экономического статуса мелких собственников" [7, с. 25]). Однако это не совсем так.

Обратимся к еще одному аспекту взаимоотношений порубежья и остальной части страны - хотя и более спорному, чем названные выше. Ряд исследователей считают, что окраины "оттягивали на себя" массы недовольных. В американском случае - как принято считать - наличие осваиваемых окраин тормозило развитие рабочего движения, увлекая обездоленных в погоню за прозрачной мечтой. В России также вместо открытого бунта всегда была возможность "утечь" куда-нибудь подальше от притеснителя. Как писал А. Герцен: "Если б Россия не была так пространна... то без преувеличения можно сказать, что в России нельзя бы было жить ни одному человеку, понимающему сколько-нибудь свое достоинство" [13, с. 9].

Фронт, порубежье представлялись землей обетованной, *землей надежды*. Как правило, это была надежда на улучшение экономических условий, но нередко - и надежда на обретение свободы (физической или духовной, как в случае со старообрядцами, пуританами и представителями других религиозных течений, многочисленных на фронтах), надежда начать новую жизнь. При этом реальные условия фронта в расчет не брались - о них просто не было известно. По словам одного из американских писателей, Дж. Стюарта, "дух романтизма опередил пироги Льюиса и Кларка, которые первыми пересекли мутные воды Миссури... Благодаря Ж.-Ж. Руссо наши поэты и романисты стали взирать на Запад как на дикие, но прекрасные просторы, где человеку дышится свободно" [14, т. 2, с. 327, 328].

Так мы подошли к основному "родовому признаку" фронта - его неопределенности, неустойчивости, неустойчивости. Пожалуй, это и стоит принять за основную характеристику фронта. Здесь истоки всех перечисленных социально-экономических явлений. Фронт манил своих будущих обитателей, поскольку был загадочен, и каждый мог возлагать на новые земли любые, самые смелые надежды. Как заметил известный исследователь американского характера Д. Бурстин, "если бы Америка не оставалась таинственным континентом в течение почти всего первого века своего национального существования, то едва бы американцы смогли стать столь жизнеспособными и энергичными. Америка питала такое обилие надежд, поскольку являлась притягательным объектом для иллюзий" [10, т. 2, с. 285].

Конечно, фронт - комплексное, многогранное явление, и ему можно было бы

дать развернутую "многоэтажную" характеристику, где были бы упомянуты многочисленные экономические, социальные и политические аспекты. Однако я считаю более предпочтительным комплексный подход к проблеме, а именно поиск ответа на вопрос: "Почему здесь так?". Наиболее подходящий, на мой взгляд, ответ уже дан: "Здесь все неустойчиво"⁵. Отсюда следует определение: фронтир - *это зона неустойчивого равновесия*.

Попытки организовать, упорядочить фронтир, поставить его под контроль, как правило, оканчивались крахом. В США, например, провалилась попытка организовать на границе Пенсильвании цепь поселений "воинственных фермеров", которые в обмен на налоговые льготы обязались бы охранять внутренние территории от индейцев (т.е. создать своеобразный аналог казачества). "Воинственные фермеры", однако, не пожелали охранять кого-либо, кроме самих себя. Не только в США, но и в России, "задавленной" самодержавным гнетом, "фронтирмены" - казаки безнаказанно позволяли себе неслыханные дерзости в отношении государства. Например, в XVII веке донские казаки отказались "целовать крест" московскому царю, отписав, что "целованье на Дону не повелось", достаточно и того, что "ни к Турскому, ни к Крымскому, ни к Литовскому, ни к иному которому царю и королю служить не ходим, кроме вас, великих государей" [4, с. 464, 465].

В более поздние времена, в XIX веке правительствам как США, так и России не удавалось полностью поставить под свой контроль заселение окраин. Вспомним американских скваттеров (самовольных захватчиков земли); аналогичное явление имело место и в российском порубежье.

Фронтир существует только по своим собственным зыбким, неписаным законам, иначе это уже не фронтир. У него своя логика, свои правила. **Как** перегретый газ нельзя описать по законам, верным для обычного газа, так нельзя понять фронтир, основываясь на стереотипах жизни "большого" общества.

* * *

Вспомним еще раз характерный "портрет" человека фронтаира. Гордый вольный индивидуалист, авантюрист, легко идущий на риск восприятия нового, стихийный демократ. Такие качества как нельзя лучше подходили для жителей молодого государства США - и категорически противоречили устоям Российской Империи. Отсюда и восприятие самого фронтаира в каждой из стран.

Американский образ фронтаира: "земля обетованная"

Собственно говоря, вся Америка изначально воспринималась европейцами как место для реализации какой-либо мечты (т.е. как "утопия"). "Как состояние ума и как мечта Америка существовала задолго до того, как ее открыли... С первыми сведениями о Новом Свете возникло ощущение, что эти мечты и стремления становятся фактом, географической реальностью, открывающей неограниченные возможности" [14, т. 1, с.245].

Только что окунувшаяся в эпоху Просвещения Европа была полна самыми разнообразными идеями о новом обустройстве мира. И если в самой Европе для воплощения этих идей в жизнь требовались революции, то "нецивилизованная" Америка представляла в глазах европейцев "чистым листом" для творчества. И они поехали за океан - творить.

В качестве иллюстрации к идее Америки как реализованной утопии чаще всего приводят пример пуритан-протестантов, обосновавшихся в колонии Массачусетского залива. Как следует из текстов пуританских проповедей, они считали себя избранными Господом для "строительства Града на Холме" (т.е. демонстрации остальному миру образца праведной жизни).

⁵ Эту неустойчивость следует понимать в физическом смысле: как неустойчивое равновесие ("когда после малого отклонения от положения *P* тело все более и более от него удаляется") [15, с. 23].

Еще одним "святым экспериментом" была колония квакеров Пенсильвания; колония Мэриленд задумывалась ее владельцем лордом Балтимором как "храм для гонимых английских католиков".

Мечты поселенцев Виргинии и Каролины были в буквальном смысле более приземленными: их интересовали благоприятные условия для земледелия. В их глазах неведомая земля являлась настоящей "скатертью-самобранкой": "Глубокое отвращение ко всякой работе гонит людей в Северную Каролину, где изобильная природа и горячее солнце позволяют им бездельничать всю жизнь... В мягкую погоду они стоят, опершись на изгородь, окаймляющую кукурузное поле, мрачно раздумывая, не стоит ли немного разогреться с мотыгой в руках, но обычно находят предлог отложить это занятие до другого случая", - рассказывал один из первых американских писателей [14, т. 1, с. 84].

Джорджия, основанная в 1732 году, была местом осуществления филантропической утопии Дж. Оглторпа. Она предназначалась для поселения бедняков, доведенных по причине несчастий или недостатка работы до крайности (правда, предварительно они доказывали свое трудолюбие и трезвость). Быт будущих американцев был распisan буквально по мелочам, вплоть до указаний, сколько мыла и лампового масла следует выделять в год колонисту в зависимости от пола и возраста.

Впоследствии открытая земля вновь и вновь воспринималась как место для осуществления очередной идеи. По сути, создание каждого нового штата было очередным воплощением идеала - как он представлялся первым жителям. Каждый штат устанавливал свои собственные законы, порядки и даже образ жизни (например, мормонский штат Юта одно время боролся за разрешение многоженства; правда, официально новый штат был признан только после отказа от этой затеи).

Но самым грандиозным из проектов, воплощенных на американской земле, оказалось создание нового типа государства. По представлениям отцов-основателей, небольшие размеры государства обеспечивали условия для демократии, большие - для международной безопасности. Так были созданы Соединенные Штаты, сильный союз небольших демократических штатов, и новая форма государственного устройства - федерация.

Гордость от сопричастности великому делу самостоятельного конструирования судьбы целой нации - особое выражение патриотизма американского народа. По-хозяйски прийдя на новый континент, поселенцы Америки не только освоили землю - они "создали" на ней новое государство по своему вкусу, отмахнувшись от опыта метрополии. Они были исполнены идеей "*self-made*", "сделать себя самостоятельно" с момента собственного рождения. "Эмиграция и поселение были осуществлены за счет нашей собственной крови и состояния без помощи богатств или мощи Великобритании", - так гласил первый вариант Декларации независимости [16, с. 37].

Американские пионеры считали себя не столько первопроходцами, сколько творцами-экспериментаторами. Вольное приграничное население по собственной (!) инициативе формировало государственный аппарат новых штатов, чтобы *не жить в царстве ножа и револьвера* (как было сказано на одном из "учредительных" митингов в лагере золотодобытчиков в Кордильерах) [17]. Будущие американцы пришли на новый континент как хозяева и, что важно, сами знали об этом.

Подобным установкам соответствовали условия фронта с его свободой, индивидуализмом, равенством: идеалы нового государства совпали с реалиями жизни фронта. Так фронт стал американским национальным символом.

Российский образ фронта: крамольная окраина

Те же самые понятия - свобода, индивидуализм, равенство - традиционно признавались в монархической России катастрофически опасными. Не случайно радикально настроенные авторы (декабристы в своих поздних трудах, А. Герцен и др.) иногда обращались к Сибири как к прообразу нового общества и его возможной родине [18].

Эта идея не оставляла умы вплоть до Октябрьской революции, питая, в частности,

идею сибирского областничества. "Некоторые области находятся в исключительных условиях, которые дают им надежду легче установить справедливые экономические отношения, чем в других областях, удрученных традициями... Сибирь принадлежит к числу этих счастливых областей. Ее молодое общество представляет открытое поле для реформ и законодательных экспериментов, которые могут быть произведены без ломки укоренившихся понятий, обычаев и привычек, потому что ломать нечего", - писал один из видных идеологов областничества сибиряк Г. Потанин [12, с. 99]. За эти идеи он был осужден и отправлен из Сибири на каторгу *в европейскую часть* страны. Даже если фронтир не поднимался против государства в открытую (как это было во время руководимых казаками крестьянских войн), их взаимодействие было чрезвычайно напряженным. Из былин известно, что первый русский "фронтирмен" Илья Муромец был заточен в княжеской темнице. Донским казакам посылались опальные грамоты "с патриаршим отлучением от Церкви за неисполнение Царских наказов жить в мире с азовцами". Легендарного Ермака, ушедшего "воевать Сибирь", было приказано казнить за самовольный поход, и атаман был прощен только после того, как благополучно "поклонился царю Сибирью" [4]. Однако если бы Ермак не погиб, он все равно был бы отстранен от руководства покоренным краем: туда уже ехал воевода с известием: "Ермаку государь приказал быть Москве" [17, с. 64]. Такая судьба постигла впоследствии Е. Хабарова, фактически завоевавшего для России Приамурье: он был отстранен от руководства "разгулявшимся" войском и увезен в столицу.

Взаимные трения между русским порубежьем и государством были несравненно сильнее, чем противоречия между фронтиром и формирующимся молодым государством в США (хотя и американский фронтир, как указывалось, был источником восстаний и оппозиции). Отсюда и различия в образах фронта и порубежья: история порубежья и судьбы его открывателей представлялись в русской культуре сюжетами скорее трагическими, чем героическими.

"Разины, богатыри, которые в старину, в богатырские эпохи, делались основателями государств, тут гибли от государства" [19, с. 360].

Пространство России, взгляд "сверху": единство в многообразии

Так же как реформирующаяся Европа, ценившая частную инициативу и генерировавшая идеи "естественного права", задавала свои координаты для восприятия Америки, российская действительность навязывала свою систему координат для восприятия российской территории. Одна из ценностей отечественного исторического сознания - централизация страны. Рассуждения российских авторов в большинстве случаев отталкиваются от центральной власти (самодержавия, "руки Москвы" и т.д.) - безотносительно к тому, осуждается ли система или поддерживается. Таков и специфический российский образ пространства - его можно было бы назвать "центростремительным".

"Центростремительное" отношение к пространству и колонизации имеет две ярко выраженные составляющие. На мой взгляд, их можно определить как взгляд на пространство с государственных позиций - взгляд "сверху", и взгляд его жителей - взгляд "снизу". Первый подход активен, второй пассивен.

Для произведений, созданных в "прогосударственном" духе, характерно подчеркивание *внутреннего разнообразия* страны. При этом прямо или косвенно указывается, что разнообразие служит как бы естественным препятствием для объединения, а его преодоление свидетельствует о силе государства: "Не удивительно ли, как земли, разделенные вечными преградами естества, неизмеримыми пустынями и лесами непроходимыми, холодными и жаркими климатами, как Астрахань и Лапландия, Сибирь и Бессарабия, могли составить одну державу с Москвою? - писал Н. Карамзин. - ... Надобно только мыслить, чтобы с любопытством читать предания народа, который смелостью и мужеством снискал господство над седьмою частию

мира, открыл страны... и просветил их Божественною Верою, без насилия, без злодейств, но единственно примером лучшего" [20, т. 1, с. 14,15].

Подобные представления становятся особенно популярными в периоды расцвета государственного могущества. Как заметил Г. Федотов: «В зените своей экспансии и славы, в век "екатерининских орлов", Россия осознала свою многоплеменность и гордилась ею. Державин пел "царевну киргиз-кайсацкие орды", а Пушкин, последний певец Империи, предсказывал, что имя его назовет "и ныне дикой тунгуз, и друг степей калмык". Кому из поэтов послепушкинской поры пришло бы в голову вспоминать о тунгузах и калмыках?» [21, с. 337]. Образ "единства в многообразии" снова возвращается в советское время: "Ты по степи, ты по лесу, / Ты к тропикам, ты к полюсу / Легла родимая, необозримая, / Несокрушимая моя" (А.Д'Актиль. "Марш энтузиастов". 1936); "Встали, с русскими едины, / Белорусы, латыши, / Люди вольной Украины, / И армяне, и грузины, / Молдаване, чуваша / - Все советские народы / Против общего врага, / Все, кому мила свобода и / Россия дорога!" (С. Михалков. "Быль для детей" [22]). Популярные советские песни словно переключаются с горделивыми пушкинскими строками:

"Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал до пламенной Колхиды,
От потрясенного Кремля
До стен недвижимого Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет Русская земля?.."

"Клеветникам России" [23, с. 500].

Акцент в таких произведениях делается скорее не собственно на разнообразии, а на единстве, а сама величина государственного пространства превозносится как возможность "растворить" внешние влияния:

"Так высылайте ж нам, витии,
Своих озлобленных сынов:
Есть место им в полях России
Среди нечуждых им гробов"

[23, с. 500].

Другим аспектом "государственного" подхода к пространству является идея его колонизации во имя совершенствования цивилизаторской миссии (т.е. опять-таки идея организации изначального разнообразия по единому образцу). Чего стоят, например, такие пассажи: "Пустыни и оазисы покрылись сетью железных дорог; открыты школы, библиотеки, банки, ученые учреждения и общества... возникла пресса (5 газет, из коих 1 на русском и туркменском языках), словом, на развалинах дряхлого мусульманства, царившего в течение ряда веков в Туркестане, расцветает новая, полная сил и жизни русская культура..." [24, с. 209, 210]. Или: "Сношения русских с Кавказским краем становятся более частыми и завершаются замирением Кавказа и присоединением его к России, после чего край вступает в новую эру мирного процветания и экономического развития" [24, с. 280].

Такие представления о территории схожи с американскими. Та же активность, гордость обширностью:

"Это твоя земля, это моя земля
От Калифорнии и до Нью-Йорка,
От секвой на западе и до Гольфстрима
Эта земля дана тебе и мне"

[25, с. 8].

Не правда ли, чем не "Широка страна моя родная..."? Более того, девиз "Единство в многообразии" начертан на гербе США.

Идея цивилизаторской миссии также присуща Америке, причем едва ли не в

большей степени, чем России. Она легко прослеживается в американской идеологии, начиная от пуритан, с их "Градом на Холме" - образцом для всего мира; до современной экспансии американской массовой культуры. «Даже Ч. Диккенс, известный своими симпатиями к беднякам Англии, говаривал об американском индейце: "Я называю его дикарем, а дикарь - это тот, кого крайне желательно "цивилизовать" с лица земли"» [25, с. 15].

И все же между общественным отношением к пространству в России и США существует значительное различие.

Пространство России, "взгляд снизу": тоска бесконечных равнин

В отличие от России, в США нет мощной культурной традиции пассивного отношения к пространству. Государственно-активная позиция в отношении пространства в США - одновременно и массовая. В России активно только государство. На фоне официальной декларации внутреннего разнообразия России ее граждане (особенно "просвещенные") ощущают *гнетущее единообразие*, щемящую "тоску бесконечных равнин" (С. Есенин). По известному выражению философа Н. Бердяева, душа русского человека "ушиблена ширью". Однако виноваты в этом, похоже, не ширь и не загадочная русская душа.

"Благосостояние их деревни, полиция на их улице, участь их церкви и их прихода совершенно не волнует людей: они полагают, что все это принадлежит некоему могущественному чужеземцу, который зовется правительством... Даже если их собственная безопасность подвергается угрозе... они складывают руки и ждут, когда вся страна целиком придет к ним на помощь" [26, с. 88]. Эти слова были сказаны блистательным исследователем общественной жизни XVIII века А. де Токвилем в отношении авторитарной Франции, но сколько аналогичных рассуждений об отсутствии "чувства хозяина" и т.п. можно найти у русских! Не оттого ли, что русский народ, не знающий реального местного самоуправления, по каждому поводу апеллирует ко всей государственной машине сразу?

В федеративном государстве забота о многих сторонах жизни человека, кроме обороны от внешнего врага и т.п. глобальных проблем, "отдана на откуп" небольшой территориальной ячейке, где он живет (напомним, что многие законы в США сильно различаются в зависимости от штата). Судьба рядового гражданина зависит не столько от решений, принимаемых в далекой столице, сколько от событий, происходящих в непосредственной близости от него (в его штате, округе, квартале). Не случайно в США чрезвычайно развито сегрегированное расселение: оно соответствует популярным американским представлениям о том, что в бесконечно многообразной мозаике страны каждый гражданин может найти свою "клеточку" (пусть даже это бедный негритянский квартал, но это *его* квартал). Так получается, что многообразие федеративной страны - многообразие для каждого.

Напротив, житель централизованного государства чаще всего сталкивается со всей его огромной монолитной мощью (вспомним знаменитое "Мой адрес - не дом и не улица, мой адрес - Советский Союз"). Русский человек слишком часто думает категориями не личного или местного масштаба, а категориями всего государства: "Простора так много, что маленькому человечку нет сил ориентироваться" (А. Чехов) [6, с. 237]. И не потому ли, что пространство воспринимается оппозиционно настроенными авторами как вместилище государства, строй которого их не удовлетворяет, просторы России вместо американского оптимизма вызывают у них тоску?

Удивительно, как одна и та же территория, описываемая "прогосударственно" мыслящими авторами как воплощение разнообразия, видится другим уныло однообразной. Вспомним приведенное выше суждение Карамзина о территории России. А вот что пишет о той же территории другой выдающийся русский историк-либерал С. Соловьев: "Перед нами обширная равнина: на огромном расстоянии от Белого моря до Черного и от Балтийского до Каспийского путешественник не встретит никаких

сколько-нибудь значительных возвышений, не заметит резких переходов. Однообразие природных форм ослабляет областные привязанности, ведет народонаселение к однообразным занятиям... одинаковые потребности указывают одинаковые средства к их удовлетворению - и равнина, как бы ни была обширна, как бы ни было вначале разноплеменно ее население, рано или поздно станет областью одного государства..." [19, с. 159,160].

"Однообразно-равнинные" настроения преобладают, естественно, в не лучшие для государства периоды. Аналогичные идеи стали популярны в России и в наши дни.

Нарастает поток публикаций, где отмечается негативная роль необъятных просторов ("пространство - наш бич") и даже называющих их одной из причин отсталости России.

* * *

Даже живя в условиях фронта, мы продолжаем смотреть на него из центра с "государственной позиции". Не пора ли России разобраться в своих взаимоотношениях с постоянным спутником - порубежьем, не пытаться подмять его под государственную машину и поискать пути мирного сосуществования.

Сейчас "в верхах" ведутся разговоры о необходимости формирования в России подлинного (а не только декларированного) федерализма, "воспитания" самостоятельности регионов. Опыт отношений с порубежьем может стать дополнительным аргументом в пользу такого решения.

"Чем обширнее территория, тяготеющая к одному центру, тем остальное пространство обездоленнее и пустынее в культурном и духовном отношении. Единственное спасение окраин от опустошающего действия централизации заключается в учреждении областных дум с передачей им распоряжения местными финансами... - писал Потанин. - В областях разовьются свои центры, способные соперничать со столицами. Культурное движение в областях получит независимость от государственного центра и будет развиваться в большей согласии с местными условиями" [12. с. 98]. Таково "требование" фронта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. America's Frontier Story. A Documentary History of Westward Expansion. Huntigton, 1980.
2. *Скрынников Р.* Ермак Тимофеевич // Встречи с историей. М., 1987.
3. *Замятин Д.Н.* Историческая география России. Программа учебного курса. 1997. Рукопись.
4. *Милюков И.Н.* Очерки по истории русской культуры. В 3 т. Т. 1. М., 1993.
5. *Поплавская И.А.* Лицеисты пушкинского выпуска и Сибирь (к проблеме формирования сибирской культуры) // Американский и сибирский фронт. Американские исследования в Сибири. Вып. 2. Томск, 1997.
6. *Разумова Н.Е.* Сибирь и эволюция философских воззрений А.П. Чехова // Американский и сибирский фронт. Американские исследования в Сибири. Вып. 2. Томск, 1997.
7. *Billington R.A.* America's Frontier Heritage. Albuquerque, 1991.
8. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей. Т. 16. СПб., 1907.
9. *Эйдельман Н.Я.* 17 сентября 1783 г. // Из потаенной истории России XVIII-XIX веков. М., 1993.
10. *Бурстин Д.* Американцы. Т. 1-3. М., 1993.
11. *Никитин Н.И.* Освоение Сибири в XVII в. М., 1990.
12. *Потанин Г.Н.* Областническая тенденция в Сибири // Отечество. Краеведческий альманах. Вып. 6. М., 1995.
13. *Герцен А.И.* Сочинения. В 2 т. Т. 2. М., 1990.
14. Литературная история США. В 2 т. М., 1995.
15. Большой энциклопедический словарь. В 2 т. М., 1991.
16. *Джефферсон Т.* Автобиография. Заметки о штате Вирджиния. Л., 1990.

17. *Billington R.A.* Westward Expansion. A History of the American Frontier. New York, 1982.
18. *Bassin M.* Inventing Siberia: Visions of the Russian East in the Early Nineteenth Century // *The American Historical Review*. 1991. Vol. 96. № 3. June.
19. *Соловьев С.М.* Чтения и рассказы по истории России. М., 1989.
20. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. В 12 т. М., 1989-1993.
21. *Федотов Г.П.* Судьба империй // Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн. М., 1993.
22. *Михалков С.В.* Стихи и сказки. М., 1958.
23. *Пушкин А.С.* Сочинения. В 3 т. Т. 1. М., 1986.
24. *Окраины России.* СПб., 1900.
25. *Стивенсон Д.К.* Америка: народ и страна. М., 1993.
26. *Токвиль А.* Демократия в Америке. М., 1995.

© Н. Замятина, 1998